

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ОЦЕНКУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

К.В. Злоказов¹, Е.И. Ильянкова², А.А. Рожков²

¹ Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

30 ноября 2020 г.

Дата принятия в печать

19 февраля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

9 марта 2021 г.

Ключевые слова

Делинквентное поведение;
профилактика преступности;
несовершеннолетние; мотивы
правового поведения; представление
о преступлении

Финансирование

Исследование выполнено за счет
гранта Российского научного фонда
(проект № 17–18–01278)

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью развития теории делинквентного поведения и совершенствования профилактики делинквентности несовершеннолетних. Анализ положений, лежащих в основе программ профилактики делинквентного поведения, показывает преобладание личностных, поведенческих и социально-средовых взглядов и слабую разработанность субъективных, корректирующих представление несовершеннолетних о социальных последствиях преступления.

Цель проведенного авторами исследования заключалась в изучении представления несовершеннолетних о социальном пространстве и его влиянии на оценку ими преступления и его последствий.

Исследование основывалось на принципах и положениях субъектного подхода и теоретических положениях социально-когнитивной теории. Методы обработки информации — частотный контент-анализ (text-mining), оценка различий (*H*-критерий Краскела — Уоллиса), многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA).

В итоге было установлено влияние представления несовершеннолетних правонарушителей о взаимодействии в социальном пространстве на описание ими преступления. Определены статистические различия в представлениях о взаимодействии с социальным пространством между правопослушными и правонарушающими несовершеннолетними. Выявлено, что несовершеннолетние правонарушители воспринимают социальное пространство игнорирующим и обесценивающим их, правопослушные — чутким и поддерживающим. Правонарушители считают возможным проявление безответственности и нечестности во взаимодействии с окружающими, а правопослушные стремятся быть ответственными, честными и справедливыми. Обнаружено влияние оценки отношений с социальным окружением на описание последствий преступления в группе несовершеннолетних правонарушителей. В целом полученные результаты уточняют представление о субъектности несовершеннолетних правонарушителей, показывают обусловленность восприятия события преступления и оценки его последствий субъективной картиной мира, подтверждают положения о детерминации преступлений несовершеннолетних нарушениями взаимодействия с социальным окружением, показывают, что последствия преступления рассматриваются в лексике риска и возможностей, последствий и преимуществ, разрыва с близкими и изоляции.

THE IMPACT OF THE REPRESENTATION OF SOCIAL SPACE ON THE PERCEPTION OF CRIME BY JUVENILES

Kirill V. Zlokazov¹, Ekaterina I. Ilyankova², Anton A. Rozhkov²

¹ Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, the Russian Federation

² Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2020 November 30

Accepted

2021 February 19

Available online

2021 March 9

Abstract. The relevance of this research is connected with the necessity of developing the theory of delinquent behavior and of improving the prevention of juvenile delinquency. The analysis of clauses that form the foundation of delinquency prevention programs shows the dominance of personal, behavioral and social environment-related views and a poor development of subjective views that modify the understanding of social consequences of crimes by adolescents. The goal of this research was to study the ideas of adolescents regarding social space and their impact on their assessment of crimes and their consequences.

Keywords

Delinquent behavior; crime prevention; adolescents; motives for legal behavior; perception of crime

Acknowledgements

The research was financially supported by the Russian Science Foundation (Project № 17–18–01278)

The study was based on the principles and clauses of a subjective approach, and the social-cognitive theory. The information processing methods included the frequency content-analysis (text-meaning), the assessment of differences (*H*-test of Kruskal-Wallis), and the multi-factor, multivariate analysis of variance (MANOVA).

The authors established that juvenile delinquents' understanding of interactions in the social space has an influence on their description of crimes. They also determined the statistical differences in the understanding of interaction with the social space between law-abiding adolescents and juvenile delinquents. It was shown that juvenile delinquents believe that social space ignores and devalues them, while law abiding adolescents believe that it is sensitive and supportive. Juvenile delinquents consider it possible to be irresponsible and dishonest in their interactions with other people, while law abiding adolescents strive to be responsible, honest and fair. The authors found out that the assessment of relationships with the social environment has an impact on the description of the consequences of a crime in a group of juvenile delinquents. The obtained results specify the ideas on the subjectivity of juvenile delinquents, prove that the subjective world view determines how the crime itself and its consequences are perceived, provide additional evidence that underage crimes are determined by the disruption of the relationship with the social environment, and show that the consequences of crimes are described using the vocabulary of risks and opportunities, consequences and advantages, break-up with the close ones and isolation.

Своевременная коррекция правонарушающего поведения несовершеннолетних чрезвычайно важна. Отсутствие общественной реакции на вандализм, хулиганство, мелкие хищения нередко влечет за собой совершение более серьезных, уголовно наказуемых деяний. Как показывают исследования, даже недостатки профилактики повышают вероятность преступного поведения несовершеннолетних, увеличивают его социальную опасность [1]. Помимо общественной опасности, последствия преступления сказываются на жизненных перспективах подростка. Эффективная профилактическая деятельность может снизить риск совершения преступлений. Как показывают обзоры зарубежных школьных программ противодействия преступности [2], а также образовательных программ для родителей подростков, совершивших преступления [3], наибольшей эффективности достигают коррекционные воздействия, фокусирующиеся на изменении представлений подростков о преступлении.

Теоретическими основаниями этих программ выступают принципы социально-психологической профилактики делинквентного поведения [4]. Исходя из них, готовность к совершению преступления зависит от субъективного восприятия подростком отношения к нему окружающих. Поддерживая эту теоретическую модель, мы уточняем ее, изучая, как субъективное представление подростка об отношении к нему социального окружения влияет на оценку им события преступления и его последствий. Предполагая, что мнение о преступлении определенным об-

разом связано с представлением о взаимодействии с окружающими, мы изучаем отношения между ними эмпирическим способом. Исследование проводится на выборках правопослушных и правонарушающих несовершеннолетних. Методом сбора данных является самоотчет, интерпретация результатов осуществляется путем применения методов частотного контент-анализа (text-mining), а также комплекса статистических процедур, оценивающих эффекты влияния переменных друг на друга. Выводы по результатам исследования раскрывают перспективы использования представления несовершеннолетнего о социальном пространстве для профилактики его делинквентного поведения.

Теоретические основания исследования

В современной криминологии роль социального окружения в побуждении несовершеннолетнего к совершению преступления объясняется прямым и косвенным влиянием [5].

Прямое влияние на совершение преступления оказывает знание о преступлении и преступных действиях, которое социальное окружение предоставляет несовершеннолетнему. Под знанием понимается информация о незаконном, антиобщественном способе удовлетворения жизненных и социальных потребностей несовершеннолетнего. Таковым служит пример преступного поведения, демонстрируемый в реальной или виртуальной (игровой, дополненной) реальности. Помимо предоставления информации, друзья и знакомые нередко убеждают несовершеннолетних в необходимости со-

вершения преступления. Как показывают исследования, большинство вандальных, хулиганских действий осуществляется несовершеннолетними после обсуждения их замысла со сверстниками или значимыми людьми из социального окружения несовершеннолетнего [6]. Наконец, на преступное поведение влияет криминальная субкультура неформальных групп, участником которых является несовершеннолетний. Под воздействием подобной субкультуры романтизируется преступный образ жизни и обесценивается правопослушное поведение.

Косвенное влияние на побуждение преступного поведения несовершеннолетних оказывают статусные характеристики взаимоотношений. Установлено, что вандализм и хулиганство побуждаются статусом в социальной группе [7], характером взаимоотношений со сверстниками и референтными лицами [8]. Искаженная вследствие их негативного влияния Я-концепция несовершеннолетнего отличается антиобщественными и криминальными установками [9].

В целом в криминологической литературе детально показано, как социальное окружение может побуждать несовершеннолетнего к преступлению. Однако роль близких людей, друзей и знакомых в побуждении к преступлению нередко абсолютизируется. Например, утверждается, что неформальные группы сверстников важны для подростков, а те, в свою очередь, неспособны сопротивляться негативному влиянию их лидеров. Вместе с тем среди взаимодействующих с подростком лиц представлены люди как с правопослушным, так и с противоправным поведением, и несовершеннолетние придерживаются наиболее выгодной им модели поведения. Зачастую подростки достаточно критичны к мнению окружающих, склонны оценивать последствия своих поступков. Поэтому анализ представления несовершеннолетнего о значимости людей, составляющих круг его общения, может уточнить меру его подверженности их негативному влиянию.

Кроме того, вероятность совершения несовершеннолетним преступления определяется уровнем его морально-нравственного развития. В рамках концепции морального развития личности (Л. Колберга) представление подростков о морали рассматривается как часть механизма регуляции правопослушного поведения. О влиянии моральных представлений на снижение криминальности свидетельствуют положительные оценки программ профилактики престу-

плений несовершеннолетних [10] и их зарубежных альтернатив [11]. Соответственно, влияние социального окружения может по-разному соотноситься с моральной оценкой несовершеннолетним события преступления. С учетом недостаточности теоретических знаний в этой области целесообразно эмпирически проанализировать представление несовершеннолетнего о преступлении, соотнося его с контекстом актуальных отношений с социальным окружением.

Организация, материалы и методы эмпирического исследования

Предметом исследования служит восприятие несовершеннолетним преступления, рассматриваемое через призму его представления о социальном пространстве. Под понятием «представление о социальном пространстве» подразумевается обобщенная репрезентация несовершеннолетним опыта его взаимоотношений с обществом. Являясь результатом социального познания, представление выступает частью картины социального мира несовершеннолетнего, основанной на взаимодействии с другими людьми, их группами и обществом в целом.

Цель исследования — изучение влияния представления несовершеннолетних о социальном пространстве на оценку ими преступления.

Задачи: 1) изучение представлений правопослушных и правонарушающих несовершеннолетних о последствиях преступного действия; 2) анализ различий в описании последствий преступления несовершеннолетними в зависимости от их представления о социальном пространстве; 3) определение перспектив совершенствования программ профилактики, реализуемых образовательными организациями.

Гипотеза исследования: представление несовершеннолетнего о социальном пространстве влияет на оценку им преступления и его последствий.

Методологическим основанием исследования выступают принципы субъектного подхода в отечественной психологии и положения социально-когнитивной теории, согласно которой несовершеннолетний конструирует представление о взаимоотношении с другими людьми и, основываясь на нем, действует в окружающем его мире [12].

Механизмы формирования представления имеют социально-когнитивный характер. Так, К.А. Абульханова описывает четыре вида отношений, репрезентирующих социальный мир в сознании личности. В их числе она называет

познавательные и деятельностные отношения личности к миру, коммуникативные отношения к другим людям и рефлексивные — по отношению к себе [13]. Представление о социальном пространстве зависит от характеристик взаимодействия несовершеннолетнего с обществом (его объема, структуры, содержания). Как отмечает Н.И. Леонов, организация представления определяется познавательными возможностями личности, влияющими на восприятие ею социальных отношений, их оценку и репрезентацию [14]. Содержание представления о социальном пространстве отражает весь субъективный опыт взаимоотношений несовершеннолетнего с конкретными людьми, их группами и обществом в целом [15]. Соответственно, социальное пространство представляется несовершеннолетнему в виде системы взаимодействий с социальным окружением. В проводимом исследовании нами изучаются две составляющие такого представления: 1) обобщенная оценка несовершеннолетним отношения к нему социального окружения (свойства социального пространства); 2) выражение несовершеннолетним своего отношения к социальному окружению (качество социального пространства).

Методами сбора данных выступили стандартизированный самоотчет, контент-анализ высказывания о преступлении.

1. Метод самоотчета применялся для выяснения представлений несовершеннолетних о социальном пространстве. Он был реализован в виде анкеты, включающей шесть закрытых вопросов, снабженных семибалльной шкалой интервалов (от –3 до +3), позволяющей оценить две группы представлений — о свойствах и качестве взаимодействия несовершеннолетнего с социальным пространством.

Свойства взаимодействия изучались через субъективную оценку несовершеннолетним отношения к нему окружающих. Маркерами оценки выступали восприимчивость, поддержка и признание окружающими несовершеннолетнего (три утверждения: «Чувствительны ли к Вам окружающие люди?», «Поддерживают ли Вас окружающие люди?», «Признают ли Вас окружающие люди?»). Оценка согласованности пунктов показала удовлетворительные результаты ($n = 261$, α -Кронбах = 0,89, межпункт. корр. = 0,77), поэтому утверждения были обобщены в единый показатель — свойства взаимодействия с социальным пространством. Параметры распределения этого пока-

зателя рассчитаны с учетом его стандартизации ($Mz = 0,61$, $SDz = 2,66$, распределение нормальное Shapiro — Wilk $p < 0,001$).

Качество взаимодействия изучалось через атрибуцию стиля взаимодействия с окружающими людьми (три утверждения, интервальная шкала: «Ответственны ли Вы за взаимодействие с окружающими людьми?», «Честны ли Ваши отношения с окружающими людьми?», «Справедливо ли Ваше отношение к окружающим людям?»). Согласованность утверждений удовлетворительна ($n = 261$, α -Кронбах = 0,72, межпункт. корр. = 0,55), что позволяет рассматривать данные утверждения в виде единого показателя — качество взаимодействия с социальным пространством. Параметры обобщенного показателя также рассчитаны с учетом стандартизации ($Mz = 0,62$, $SDz = 1,41$, распределение нормальное Shapiro — Wilk $p < 0,001$).

Анализ показал, что в целом все утверждения обладают высокой степенью согласованности ($n = 261$, α -Кронбах = 0,89) и значимо коррелируют друг с другом ($p < 0,01$), что говорит об их связности и непротиворечивости, применимости к оценке субъективных представлений и относимости к области социального взаимодействия.

2. Метод контент-анализа применялся для изучения представлений о преступлении. Информация собиралась при помощи открытого вопроса «Какие мысли удерживают Вас от совершения криминального поступка?». Ответ на вопрос формулировался в открытой форме, обследуемые писали его вручную. Предварительная оценка показала, что вопрос понятен и адекватно воспринимается выборкой. На него было получено 260 ответов из 261 собранной анкеты, по смыслу релевантных ответов — 259 (98 %). Типичный ответ представлял собой предложение из трех-четырех слов средним объемом 24 знака.

Процедура обработки высказываний. Применялась статистическая оценка частоты встречаемости слов и их ассоциируемости (text-mining). Эта методология используется для оценки концептов, маркирующих различные виды социальных отношений [16]. Обработка массива слов проводилась следующим образом: 1) подготовка массива слов, заключающаяся в исправлении ошибок в их написании и вычленении информативных частей речи (существительных, наречий и прилагательных), исключении служебных частей речи (предлогов,

союзов и пр.), регулярных выражений и нецензурных слов; 2) нормализация текста посредством стемминга и лемматизации, приводящая к определению основ слов; 3) выявление частоты употребления слов; 4) концептуализация — группировка слов по степени частотности и связности в виде концептов, рассматриваемых нами в качестве показателя готовности к совершению преступных деяний. Описанные действия проводились с помощью программы Statistica for Windows. После очистки, стемминга и лемматизации массив уменьшился до 458 слов (общим объемом 12 447 знаков). Далее были выполнены расчет частоты встречаемости слов и операция сингулярного разложения (singular value decomposition (SVD)).

В результате из общего массива были извлечены четыре ключевых концепта (группировки слов), объясняющих 77,2 % объема первоначального массива. Усредненный собственный вес концептов — 5,51, $MD = 2,36$, макс. = 10,91, мин. = 6,79. Полученные концепты достаточно полно передают информацию (потеря составляет 23,7 %), а дальнейшее их уменьшение вызовет существенные потери в уникальности значений. Поэтому мы остановились на репрезентации данного массива в виде четырех концептов, включающих в себя сочетания 17 слов, используемых для описания недостатков взаимодействия.

Завершающим этапом обработки выступала дифференциация концептов. Данная задача решалась посредством кластерного анализа методом k-means [17]. Он проводился над матрицей сингулярного разложения (4 концепта × 17 слов), отражающей значение (вклад) каждого из слов в соответствующий концепт. В результате были получены два кластера, группирующие слова, описывающие несводимые друг к другу представления обследуемых о последствиях преступного поведения.

Выборка исследования. Участвовал 261 человек. Они были объединены в две группы по критерию правопослушности: правопослушные — 130 чел., правонарушители — 131 чел. Выборка в группах сбалансирована по возрасту (средний возраст — 16,3 года, $SD = 1,4$ года). Все опрошенные мужского пола. Правонарушители состоят на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, а также являются обучающимися специализированных учебно-воспитательных учреждений Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Криминологическая

характеристика преступного поведения выборки правонарушающих несовершеннолетних: 33 % обследованных совершили корыстные преступления (предусмотренные ст. 158 УК РФ — 26 %, ст. 159 УК РФ — 7 %), 22 % — корыстно-насильственные (предусмотренные ст. 161 УК РФ — 7 %, ст. 162 УК РФ — 15 %), 15 % — насильственные (предусмотренные ст. 115 УК РФ — 7 %, ст. 112 УК РФ — 8 %). Правопослушные не состоят на учете, обучаются в 10–11-х классах средних школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. При статистической обработке использовалась переменная «тип группы», характеризующая принадлежность к определенной части выборки.

Метод статистической оценки. Методом статистической обработки выступал непараметрический аналог дисперсионного анализа — H -критерий Краскела — Уоллиса, позволяющий сопоставлять переменные без учета характера их распределения. С его помощью определялось влияние зависимых переменных, полученных с помощью контент-анализа, на независимые переменные, полученные путем изучения представлений несовершеннолетних о взаимодействии с окружающими (свойства взаимодействия, качество взаимодействия). Независимые переменные представлены в шкале интервального типа и нормализованы z -преобразованием для выравнивания параметров распределения для разных шкал. Для оценки сопряженных эффектов влияния переменных «тип группы» и «свойства взаимодействия», «качество взаимодействия» на независимую переменную использовался многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA).

Результаты исследования и обсуждение

Полученные результаты описываются в соответствии с задачами исследования последовательно: вначале приводятся аналитические данные, затем осуществляется интерпретация статистического анализа.

1. **Контент-анализ лексики, описывающей преступление.** В табл. 1 представлены результаты обработки массива слов, их концептуализации (группировки по частоте употребления) и кластеризации (дифференциации по частоте использования слов обследуемыми).

Результаты показывают, что лексика, используемая несовершеннолетними для описания представлений о последствиях преступных действий, достаточно однородна — 61,3 % высказываний образованы с помощью 17 слово-

Таблица 1 / Table 1

Контент-анализ лексики, описывающей преступление
Content analysis of lexis used to describe crimes

Нормализация данных (458 слов) / Data normalization (458 words)		Концептуализация (четыре концепта, 77,2 % информации) / Conceptualization (four concepts, 77,2% of information)	Кластеризация концептов (два кластера, метод k-means) / Clusterization of concepts (two clusters, k-means method)		
Стемм / Stem	Частота употребле- ния слов (доля, %) / Frequency of word usage (share, %)	Вовлеченность слов в концепты, % / Involvement of words in concepts, %	Значения средних		Различия средних (F-критерий Фише- ра, <i>p</i>) / Differences of mean values (F-criterion of Fisher, <i>p</i>)
			Первый кластер / First cluster	Второй кластер / Second cluster	
1	2	3	4	5	6
Близк* / Close	43 (10)	53,5	0,65	0,53	–
Боязн* / Fear	10 (2)	2,4	–0,49	0,10	19,78, <i>p</i> < 0,04
Будущ* / Future	9 (2)	5,0	–0,36	0,03	8,21, <i>p</i> < 0,01
Возможн* / Possible	13 (3)	10,2	–0,72	0,11	23,89, <i>p</i> < 0,03
Дом* / House	6 (1)	1,5	–0,16	–0,07	–
Жизн* / Life	8 (2)	5,5	–0,29	–0,12	–
Здоров* / Health	17 (4)	13,4	–0,19	–0,14	–
Мам* / Mom	8 (2)	6,2	–0,15	–0,02	–
Негативн* / Negative	9 (2)	11,1	–0,11	0,03	–
Неудач* / Unfavourable	62 (14)	5,4	–0,38	–0,12	–
Опасн* / Danger	11 (3)	4,6	–0,43	–0,30	–
Ответств* / Responsible	17 (4)	6,4	–0,23	–0,02	–
Последств* / Consequence	80 (19)	96,7	3,31	–0,29	12,7, <i>p</i> < 0,07
Родит* / Parent	10 (2)	18,1	–0,39	–0,11	–
Сем* / Family	94 (22)	100,0	3,61	–2,11	33,6, <i>p</i> < 0,02
Смысл* / Meaning	7 (2)	20,0	–0,35	–0,11	–
Стра* / Terror	27 (6)	16,1	–0,01	–0,13	–
61,3 % от общего числа высказыва- ний содержит 17 словоформ. Знак * маскирует окончание словоформы		Представлена доля ненулевых значений нагрузок матрицы сингулярности по всем концептам	Двухкластерная классификация оптимальна по сравнению с трехкластерной по дифференциру- ющей способности. Дифференциация рассчиты- валась метрикой евклидовой дистанции. Между первым и вторым кластерами — 1,44, между вторым и первым кластерами — 1,1		

форм. Этот набор словоформ применяется все-
ми опрошенными для конструирования своего
видения преступных действий и их последствий.

Обращение к значениям слов показыва-
ет, что часть из них характеризует оценку по-
следствий (например, «возможность», «риск»,

«опасность»), часть — эмоциональные пережи-
вания (например, «страх», «боязнь», «потеря»),
а часть описывает взаимоотношения между от-
вечающим и его социальным окружением (к
примеру, «близкие», «дом», «родители», «се-
мья»). Однако такое деление условно, посколь-

ку смысл высказывания конструируется нами на основе словарных значений.

Систематизация словоформ, выполненная методом сингулярного разложения, уточняет значения понятий, связывая их в группировки (концепты) исходя из частоты ассоциированного применения слов. В результате нами извлечено четыре концепта. По смыслу они достаточно близки друг к другу, поскольку входящие в них словоформы представлены во всех концептах.

Так, изучение доли вовлечения слов в концепты (второй столбец табл. 1) показывает, что наиболее часто используются слова «семья», «последствия», «близкие», «смысл», «родители». Они несут основную смысловую нагрузку в описании несовершеннолетними последствий преступного поведения. Но значение этих слов еще недостаточно ясно, поскольку каждое из них по-разному представлено в извлеченных нами концептах. Например, слова «семья» и «последствия» входят во все концепты, а словоформы «боязнь», «будущее», «дом» — только в конкретные концепты.

Для уточнения значений применяется кластеризация коэффициентов словоформ, входящих в концепты. Нами она выполняется методом *k*-средних. Данная процедура обобщает концепты на основе близости средних значений входящих в них словоформ и группирует кластеры по принципу оппозиции словоформ. При выборе количества кластеров использовался критерий евклидовой дистанции, показывающий степень дифференциации. На основании его вычисления ясно, что два кластера наиболее точно описывают значения словоформ (третий столбец табл. 1). Увеличение числа кластеров снижает степень уникальности включенных в него словоформ. Данное подтверждается результатами расчета *F*-критерия Фишера, демонстрирующего, что пять словоформ — «боязн*», «будущ*», «возможн*», «последств*» и «сем*» — избирательно вовлечены в каждый из кластеров. В первый кластер включены слова «последствия» и «семья», во второй — «боязнь», «будущее» и «возможно». Исходя из логики кластеризации, использование маркирующих слов первого кластера исключает применение слов второго. В целом, опираясь на результаты статистической оценки, можно полагать, что двухкластерная группировка является результатом контент-анализа высказываний о последствиях преступных действий.

Результаты кластеризации конкретизируют значения слов, посредством которых несовер-

шеннолетние описывают свое представление о последствиях преступных действий. Анализ их применения позволяет всю лексику условно разделить на общую и специфическую. Общая лексика используется для поверхностного описания обстоятельств, связанных с совершением преступления и его последствиями (например, «последствия», «неудача», «возможность»). Специфические слова применяются для описания двух видов последствий — влияния события преступления на взаимоотношения с близкими людьми (социальные последствия) и последствий для самого субъекта (персональные последствия).

Социальные последствия представлены страхом изоляции, изъятия из семьи, разрывом отношений с близкими родственниками. Влияние преступления на взаимоотношения с близкими описывается выражениями «мама будет переживать», «как родители без меня», «дома ждет отец», «будут грустить родственники» и аналогичными. Используется преимущественно негативно окрашенная лексика, характеризующая переживания по поводу разрыва отношений, изоляции, тревоги за близких.

Персональные последствия отражают суждения о невыгодности и риске преступных действий, негативные переживания, связанные с событием преступления. Они выражают стратегию рационального выбора («возможность последствий», «мысли о риске», «отсутствие выгоды», «понять, чем мне это грозит»), эмоциональные переживания события преступления («страх лишиться чего-либо», «опасность преступления»).

Следует подчеркнуть, что применяемая несовершеннолетними лексика отражает их представление о последствиях преступления. Анализируя содержание высказываний с позиции подхода моральной регуляции преступного поведения (обзор данного подхода выполнен Р. Wu и Н. Liu [18]), необходимо отметить, что высказывания об общественной опасности или незаконности преступных действий встречаются редко. Вообще, из 259 высказываний только три содержат отсылки к уголовному законодательству. В терминах концепции морального развития (Л. Колберга) несовершеннолетние всей выборки могут быть отнесены к предконвенциональному уровню развития, для которого правовое поведение вызвано стремлением избежать наказания [19]. Эти результаты согласуются с исследованиями отечественных криминологов,

отмечающих отставание несовершеннолетних в формировании правовых знаний [20], деформацию правосознания подростков под влиянием подростковых субкультур [21].

Исходя из того что большинство несовершеннолетних выстраивают свои представления о преступлении, опасаясь последствий уголовного преследования, можно предположить, что страх наказания является доминантой в представлении несовершеннолетних о преступлении. Такая трактовка, на первый взгляд, согласуется с мнением Р.-О.Н. Wikström с соавторами относительно влияния страха наказания на отказ от преступного поведения [22]. Однако в нашем исследовании испытуемые опасаются не только последствий наказания для себя, но и страданий близких. В этой связи роль отношений с социальным окружением может влиять на восприятие преступления.

Для выяснения различий в использовании лексики право послушными и правонарушающими подростками мы сопоставили частоту их высказываний. Оценка с помощью *H*-критерия Краскела — Уоллиса показала отсутствие статистически значимых различий ($p < 0,4$). Право послушные и правонарушающие несовершеннолетние в равной мере используют оба вида лексики при описании преступления и его последствий. В то же время существование разной лексики для оценки последствий преступления, по-видимому, зависит от отношений между несовершеннолетним и его социальным окружением. Поэтому далее мы фокусируемся на свойствах и качестве взаимодействия несовершеннолетних с окружающими, считая, что они

влиять на восприятие подростками преступления и обуславливают различия в оценке ими его последствий.

2. *Изучение различий в описании последствий преступления право послушными и правонарушающими несовершеннолетними в зависимости от их представления о социальном пространстве.* Анализ выполнялся в два этапа. На первом оценивались различия в представлениях право послушных и правонарушающих несовершеннолетних о взаимодействии с окружающими, во втором анализировалось их влияние на применение лексики, характеризующей последствия преступления. Рассмотрим результаты первого этапа, представленные в табл. 2.

Как можно увидеть из табл. 2, представления о взаимодействии статистически различаются в группах право послушных и правонарушителей.

Право послушные описывают свое социальное окружение чувствительным и поддерживающим, стремятся проявлять свои лучшие качества во взаимодействии с социальным окружением.

Несовершеннолетние правонарушители, напротив, воспринимают свое социальное окружение бесчувственным, отягощающим и игнорирующим. Во взаимодействии с другими людьми правонарушители допускают нечестность, несправедливость и безответственность. Полученные результаты соответствуют выводам, сделанным отечественными исследователями. В психолого-педагогической литературе такое отношение объясняется насилием со стороны социального окружения и травматическими последствиями его влияния на личность [23]. В частности, пока-

Таблица 2 / Table 2
Субъективные представления несовершеннолетних о взаимодействии с социальным пространством

Subjective ideas of adolescents regarding their interactions with the social space

Характеристика группы / Group characteristics	Объем выборки, чел. / N of respondents	Представления о взаимодействии с социальным пространством / Ideas regarding interactions with the social space			
		Свойства взаимодействия / Features of interaction		Качество взаимодействия / Qualities of interaction	
		<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Правонарушающие / Delinquents	131	–0,41	1,28	–0,41	1,35
Право послушные / Law-abiding	130	0,06	0,75	0,13	0,71
Статистическая значимость (<i>H</i> -критерий Краскела — Уоллиса) / Statistical value (<i>H</i> -criterion of Kruskal-Wallis)		$H_{крит} = 7,32; p = 0,006$		$H_{крит} = 5,21; p = 0,02$	

Примечание. *M* — среднее значение, *SD* — стандартное отклонение, $H_{крит}$ — критерий Краскела — Уоллиса (приводится усредненное значение для всех групп). Данные представлены в стандартизированных (*z*) значениях.

зано, что, вырастая в условиях агрессивного отношения, несовершеннолетние формируют оборонительно-враждебную модель поведения [24]. Подростки, пережившие физическое насилие, подозрительны по отношению к сверстникам и взрослым, значительное время сохраняют стратегии поведения, сходные с симптоматикой посттравматического расстройства [25]. Г.К. Валицкас и Ю.Б. Гиппенрейтер отмечали, что враждебное отношение к сверстникам и взрослым связано с низким социальным статусом несовершеннолетних правонарушителей [26]. Важно подчеркнуть, что негативные представления несовершеннолетних правонарушителей ухудшают их взаимодействие с обществом, поскольку формируют ожидание враждебных действий со стороны других людей. В связи с этим целесообразным направлением профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних выступает воздействие на агрессивно-оборонительные установки по отношению к окружающим.

На втором этапе нами изучалось влияние субъективных оценок социального взаимодействия на частоту применения несовершеннолетними лексики, характеризующей социальные либо персональные последствия преступления. Оценка проводилась методом многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA). С его помощью оценивался совокупный (сочетающийся) эффект двух переменных: принадлежности обследуемых к правонарушающей или правопослушной части выборки; оценки социального пространства.

Статистически значимые различия получены только в отношении показателя свойств социального взаимодействия и только для группы несовершеннолетних правонарушителей ($F_{крит}(1,259) = 6,08, p = 0,001, \epsilon^2 = 0,4, Pwr = 0,69$ при $p = 0,05$, дисперсии гомогенны).

Результат подтверждает гипотезу исследования применительно к группе несовершеннолетних правонарушителей. Для правопослушных несовершеннолетних представление о последствиях преступления не изменяется под влиянием субъективных представлений о состоянии взаимоотношений с окружающими. Они оценивают последствия преступления как опасные и в социальном, и в личном плане вне зависимости от отношения к ним социального окружения.

В группе правонарушителей оценка отношения к ним социального окружения влияет на использование ими лексики, маркирующей

социальные последствия преступления. Правонарушители, считающие, что социальное окружение чувствительно к ним, поддерживает их и помогает им, статистически чаще говорят о социальных последствиях преступления. Повидимому, изоляция от семьи, разрыв отношений с близкими людьми являются для них существенными последствиями преступления. Правонарушители, считающие, что социальное окружение негативно относится к ним, иначе описывают свои представления о преступлении. Их высказывания сосредоточиваются на оценке личных потерь, риска преступления. Разрыв отношений с близкими людьми как следствие преступления ими не упоминается.

В целом результаты свидетельствуют о том, что представление несовершеннолетних правонарушителей об отношении к ним социального окружения влияет на оценку ими последствий преступления. Полученные результаты намечают три направления профилактического воздействия на делинквентных несовершеннолетних.

Во-первых, развитие у несовершеннолетнего способности принимать во внимание социальную оценку поведения и руководствоваться ею при принятии решений. С учетом этого дополнения предложенная Е.В. Москвиной модель социальной реабилитации подростков с девиантным поведением в учреждении закрытого типа может повысить профилактический потенциал [27].

Во-вторых, развитие у правонарушающих подростков способностей к сотрудничеству и взаимодействию в повседневной жизни. Формирование способности просить и получать поддержку окружающих является важным ресурсом преодоления трудных жизненных ситуаций. Невладение несовершеннолетними им пользоваться влечет за собой негативные оценки социального окружения и порождает враждебно-циничное отношение. Полученные результаты обосновывают целесообразность включения в программу профилактического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей задачи развития у них способности формировать особый вид отношений с окружающими людьми, предусматривающий умение обращаться за помощью к окружающим и самому помогать людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В-третьих, формирование поддерживающих отношений с несовершеннолетним у близких родственников и других лиц из числа его социального окружения. Зарубежный опыт осу-

шествования программ сопровождения несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений, свидетельствует о пользе обучения ближайшего социального окружения навыкам оказания несовершеннолетним психологической поддержки [28]. Реализации этой профилактической задачи образовательной организации может помочь привлечение сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции.

Заключение

В работе обсуждалась роль представления несовершеннолетних о социальном пространстве в предупреждении совершения ими преступлений. Важность исследования определяется значимостью совершенствования механизмов профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних. Методология исследования строилась на основе положений субъектного подхода, разработанного в отечественной психологии. Под социальным пространством понималась репрезентация в сознании несовершеннолетнего системы его взаимодействия с окружающими людьми. Исследовалась часть представления, характеризующая свойства и качество взаимодействия с окружающими. Предполагалось, что представление несовершеннолетнего о социальном пространстве влияет на оценку им преступления и его последствий.

Основная гипотеза исследования была подтверждена только на выборке несовершеннолетних правонарушителей. Было установлено, что представление правонарушителей о последствиях преступления зависит от их представления о поддержке, соучастии и помощи со стороны их социального окружения. Для правопослушных несовершеннолетних влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления и его последствий установлено не было.

Полученные результаты имеют методическое и прикладное значение. Методика контент-анализа представлений о последствиях преступления может использоваться для оценки правосознания в качестве альтернативы методам самоотчета, не всегда дающим достоверные результаты в прогнозе делинквентного поведения. Прикладное значение исследования заключается в расширении профилактических возможностей, которыми обладает близкое либо референтное для несовершеннолетних преступников социальное окружение.

Новые сведения уточняют и расширяют научное знание о преступном поведении несовершеннолетних, раскрывают влияние представления несовершеннолетних о взаимодействии с окружающими на отказ от преступного поведения. Результаты показывают перспективы использования представлений о взаимодействии с окружающими для психолого-педагогической коррекции правонарушающего поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Evans-Chase M. A Systematic Review of the Juvenile Justice Intervention Literature: What It Can (and Cannot) Tell Us About What Works With Delinquent Youth / M. Evans-Chase, H. Zhou. — DOI: 10.1177/001128712466931 // *Crime & Delinquency*. — 2014. — Vol. 60, iss. 3. — P. 453–472.
2. Wilson D. School-Based Prevention of Problem Behaviors: A Meta-Analysis / D. Wilson, D. Gottfredson, S. Najaka // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2001. — Vol. 17, iss. 3. — P. 247–272.
3. Piquero A.R. A Meta-Analysis Update on the Effects of Early Family/Parent Training Programs on Antisocial Behavior and Delinquency / A.R. Piquero, W.G. Jennings, B. Diamond // *Journal Experimental Criminology*. — 2016. — № 12. — P. 229–248.
4. Breaking Rules. The Social and Situational Dynamics of Young People's Urban Crime / P.-O.H. Wikström, D. Oberwittler, K. Treiber, B. Hardie. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. — 512 p.
5. Ellis L. Handbook of Crime Correlates / L. Ellis, D. Farrington, A. Hoskin. — New York : Academic Press, 2019. — 730 p.
6. Kreager D.A. Delinquency and the Structure of Adolescent Peer Groups / D.A. Kreager, K. Rulison, J. Moody // *Criminology*. — 2011. — Vol. 49, iss. 1. — P. 95–127.
7. Afshani S.A. The Relationship between Self-Control and Vandalism among the First- and Second-Year High School Students at Yazd City / S.A. Afshani, N. Javaherchian // *Journal of Applied Environmental and Biological Sciences*. — 2015. — Vol. 5, iss. 95. — P. 729–734.
8. The Longitudinal Role of Self-Concept Clarity and Best Friend Delinquency in Adolescent Delinquent Behavior / E.K.V. Levey, C.F. Garandeau, W. Meeus, S. Branje // *Journal Youth Adolescence*. — 2019. — Vol. 48. — P. 1068–1081.
9. Self Concept and Delinquency / R.C. Evans, L. Levy, T.E. Sullenberger, A. Vyas // *Journal of Offender Rehabilitation*. — 1991. — Vol. 16, iss. 3-4. — P. 59–74.
10. Andrews D.A. Rehabilitating Criminal Justice Policy and Practice / D.A. Andrews, J. Bonta // *Psychology, Public Policy, and Law*. — 2010. — Vol. 16, iss. 1. — P. 39–55.
11. The Long-Term Effects of the Youth Crime Prevention Program «New Perspectives» on Delinquency and Recidivism / S.L.A. de Vries, M. Hoeve, J.J. Asscher, G.J. Stams // *International Journal of offender Therapy and Comparative Criminology*. — 2018. — Vol. 62, iss. 12. — P. 3639–3661.
12. Андреева Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. — Москва : Аспект Пресс, 1997. — 239 с.

13. Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К.А. Абульханова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2005. — Т. 2, № 4. — С. 3–21.
14. Леонов Н.И. Психология социального мира / Н.И. Леонов, М.М. Главатских. — Ижевск : Lingua Socialis, 2006. — 132 с.
15. Haslam N. Mental Representation of Social Relationships: Dimensions, Laws or Categories? / N. Haslam // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1994. — Vol. 67. — P. 575–584.
16. Mautner G. Mining Large Corpora for Social Information: the Case of Elderly / G. Mautner // *Language in Society*. — 2007. — Vol. 36, iss. 1. — P. 51–72.
17. Delen D. Practical Text Mining and Statistical Analysis for Non-structured Text Data Applications / D. Delen. — New York : Academic Press, 2012. — 1000 p.
18. Wu P. Association between Moral Reasoning and Moral Behavior: A Systematic Review and Meta-Analysis / P. Wu, H. Liu // *Acta Psychologica Clinica*. — 2014. — Vol. 46, iss. 8. — P. 1192–1207.
19. Kohlberg L. The Development of Children's Orientations Toward a Moral Order I. Sequence in the Development of Moral Thought / L. Kohlberg // *Human Development*. — 2008. — Vol. 51, № 1. — P. 8–20.
20. Лещенко О.В. Структурные компоненты правосознания несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказания в воспитательных колониях / О.В. Лещенко // *Евразийский юридический журнал*. — 2016. — № 3 (94). — С. 226–229.
21. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования / И.А. Макаренко. — Москва : Юрлитинформ, 2006. — 347 с.
22. Wikström P.-O.H. Do People Comply with the Law because they Fear Getting Caught? / P.-O.H. Wikström, A. Tseloni, D. Karlis // *European Journal of Criminology*. — 2011. — Vol. 8, iss. 5. — P. 401–420.
23. Ганишина И.С. О влиянии неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних в отечественной и зарубежной психологии / И.С. Ганишина // *Человек: преступление и наказание*. — 2003. — № 4. — С. 3–8.
24. Заика Е.В. Психологическая характеристика личности подростков с отклоняющимся поведением / Е.В. Заика, Н.П. Крейдун, А.С. Ячина // *Вопросы психологии*. — 1990. — № 4. — С. 83–85.
25. Chan K.L. Child Victims and Poly-Victims in China: Are they more At-Risk of Family Violence? / K.L. Chan // *Child Abuse & Neglect*. — 2014. — Vol. 38, iss. 11. — P. 1832–1839.
26. Валицкас Г.К. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей / Г.К. Валицкас, Ю.Б. Гиппенрейтер // *Вопросы психологии*. — 1989. — № 1. — С. 45–55.
27. Москвина Е.В. Модель социальной реабилитации подростков с девиантным поведением в учреждении закрытого типа / Е.В. Москвина // *Образование и наука*. — 2014. — № 4 (113). — С. 132–145.
28. Chen M. Effects of Parenting Programs on Child Maltreatment Prevention: A Meta-Analysis / M. Chen, K.L. Chan // *Trauma, Violence, & Abuse*. — 2015. — Vol. 17, iss. 1. — P. 88–104.

REFERENCES

1. Evans-Chase M., Zhou H. A Systematic Review of the Juvenile Justice Intervention Literature: What It Can (and Cannot) Tell Us About What Works With Delinquent Youth. *Crime & Delinquency*, 2014, vol. 60, iss. 3, pp. 453–472. DOI: 10.1177/0011128712466931.
2. Wilson D., Gottfredson D., Najaka S. School-Based Prevention of Problem Behaviors: A Meta-Analysis. *Journal of Quantitative Criminology*, 2001, vol. 17, iss. 3, pp. 247–272.
3. Piquero A.R., Jennings W.G., Diamond B. A Meta-Analysis Update on the Effects of Early Family/Parent Training Programs on Antisocial Behavior and Delinquency. *Journal Experimental Criminology*, 2016, no. 12, pp. 229–248.
4. Wikström P.-O.H., Oberwittler D., Treiber K., Hardie B. *Breaking Rules. The Social and Situational Dynamics of Young People's Urban Crime*. Oxford University Press, 2012. 512 p.
5. Ellis L., Farrington D., Hoskin A. *Handbook of Crime Correlates*. New York, Academic Press, 2019. 730 p.
6. Kreager D.A., Rulison K., Moody J. Delinquency and the Structure of Adolescent Peer Groups. *Criminology*, 2011, vol. 49, iss. 1, pp. 95–127.
7. Afshani S.A., Javaherchian N. The Relationship between Self-Control and Vandalism among the First- and Second-Year High School Students at Yazd City. *Journal of Applied Environmental and Biological Sciences*, 2015, vol. 5, iss. 9S, pp. 729–734.
8. Levey E.K.V., Garandeau C.F., Meeus W., Branje S. The Longitudinal Role of Self-Concept Clarity and Best Friend Delinquency in Adolescent Delinquent Behavior. *Journal Youth Adolescence*, 2019, vol. 48, pp. 1068–1081.
9. Evans R.C., Levy L., Sullenberger T.E., Vyas A. Self Concept and Delinquency. *Journal of Offender Rehabilitation*, 1991, vol. 16, iss. 3-4, pp. 59–74.
10. Andrews D.A., Bonta J. Rehabilitating Criminal Justice Policy and Practice. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2010, vol. 16, iss. 1, pp. 39–55.
11. Vries S.L.A. de, Hoeve M., Asscher J.J., Stams G.J. The Long-Term Effects of the Youth Crime Prevention Program «New Perspectives» on Delinquency and Recidivism. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2018, vol. 62, iss. 12, pp. 3639–3661.
12. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [The Psychology of Social Cognition]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1997. 239 p.
13. Abulkhanova K.A. The Principle of Subject in Russian Psychology. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2005, vol. 2, no. 4, pp. 3–21. (In Russian).
14. Leonov N.I., Glavatskikh M.M. *Psikhologiya sotsial'nogo mira* [Psychology of the Social World]. Ischewsk, Lingua Socialis Publ., 2006. 132 c.
15. Haslam N. Mental Representation of Social Relationships: Dimensions, Laws or Categories? *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, vol. 67, pp. 575–584.

16. Mautner G. Mining Large Corpora for Social Information: the Case of Elderly. *Language in Society*, 2007, vol. 36, iss. 1, pp. 51–72.
17. Delen D. *Practical Text Mining and Statistical Analysis for Non-structured Text Data Applications*. New York, Academic Press, 2012. 1000 p.
18. Wu P., Liu H. Association between Moral Reasoning and Moral Behavior: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Acta Psychologica Clinica*, 2014, vol. 46, iss. 8, pp. 1192–1207.
19. Kohlberg L. The Development of Children's Orientations toward a Moral Order I. Sequence in the Development of Moral Thought. *Human Development*, 2008, vol. 51, no. 1, pp. 8–20.
20. Leshchenko O.V. The Structural Components of Legal Consciousness of Convicted Juveniles, Serving their Sentences in Correctional Facilities. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2016, no. 3 (94), pp. 226–229. (In Russian).
21. Makarenko I.A. *Lichnost' nesovershennoletnego obvinyaemogo kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya* [The Personality of the Accused Minor as an Object of Forensic Investigation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 347 p.
22. Wikström P.-O.H., Tseloni A., Karlis D. Do People Comply with the Law because they Fear Getting Caught? *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, iss. 5, pp. 401–420.
23. Ganishina I.S. On the impact on disadvantaged family on the deviant behavior of minors in Russian and foreign psychology. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2003, no. 4, pp. 3–8. (In Russian).
24. Zaika E.V., Kreidun N.P., Yachina A.S. Psychological characteristics of the personality of adolescents with deviant behavior. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 1990, no. 4, pp. 83–85. (In Russian).
25. Chan K.L. Child Victims and Poly-Victims in China: Are they more At-Risk of Family Violence? *Child Abuse & Neglect*, 2014, vol. 38, iss. 11, pp. 1832–1839.
26. Valitskas G.K., Gippenreiter Yu.B. Self-Esteem in Young Offenders. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 1989, no. 1, pp. 45–55. (In Russian).
27. Moskvina Ye.V. Social Rehabilitation Model for Teenagers with Deviant Behavior in Closed-Type Institutions. *Obrazovanie i nauka = Education and Science Journal*, 2014, no. 4 (113), pp. 132–145. (In Russian).
28. Chen M., Chan K.L. Effects of Parenting Programs on Child Maltreatment Prevention: A Meta-Analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2015, vol. 17, iss. 1, pp. 88–104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Злоказов Кирилл Витальевич — докторант Уральского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: zkirvit@yandex.ru.

Ильянкова Екатерина Ивановна — адъюнкт Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ekaterinapogodina@yandex.ru.

Рожков Антон Алексеевич — начальник кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: anrozkov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Злоказов К.В. Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними / К.В. Злоказов, Е.И. Ильянкова, А.А. Рожков. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 15–26.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zlokazov, Kirill V. — Postdoctoral Student, Ural State Pedagogical University, Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: zkirvit@yandex.ru.

Ilyankova, Ekaterina I. — Adjunct, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: ekaterinapogodina@yandex.ru.

Rozhkov, Anton A. — Head, Chair of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ph.D. in Pedagogics, Ass. Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: anrozkov@mail.ru.

FOR CITATION

Zlokazov K.V., Ilyankova E.I., Rozhkov A.A. The impact of the representation of social space on the perception of crime by juveniles. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 15–26. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26. (In Russian).